

Ушинский Константин Дмитриевич

**Избранные педагогические
сочинения**

Том 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-1
ББК 84-5
К65

К65 **Константин Дмитриевич У.**
Избранные педагогические сочинения: Том 1 / Ушинский Константин Дмитриевич – М.:
Книга по Требованию, 2023. – 416 с.

ISBN 978-5-519-78591-4

ISBN 978-5-519-78591-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ СИСТЕМА К. Д. УШИНСКОГО.

I. Ушинский и его роль в общественно-педагогическом движении второй половины XIX в. II. Развитие педагогических взглядов Ушинского. III. Теоретические основы педагогики Ушинского: 1) Основные идеи. 2) Разработка психологических основ педагогики. IV. Педагогические принципы Ушинского в их приложении к практике школьной работы: 1) Идея народной школы. 2) Воспитательная работа школы. 3) Учебный материал начальной школы. 4) Дидактические принципы учебной работы. 5) Методика родного языка. Заключение.

Педагогическая система К. Д. Ушинского складывалась в 50—60-е годы XIX в., когда в процессе роста капитализма в России перестраивались производственные отношения, когда подготовлялась и проводилась так называемая «крестьянская реформа» 1861 г. Острые и большие вопросы просвещения России выдвинулись в ряду других на первый план, обнажив один из весьма запущенных участков русской жизни. В частности, поднялся вопрос о народной школе. Ушинский был тем теоретиком, который пытался всесторонне осмыслить вопросы ее организации, уяснить ее общественные, педагогические и психологические основы. «По нашему мнению, — писал он в 1861 г., — нет теперь вопросов современнее и важнее, как вопрос о том, чем должны быть русские народные школы и где их устроить? что и как в них преподавать? где взять для них учителей? каковы должны быть эти учителя? в каком отношении должны находиться народные школы, с одной стороны, к обществу, с другой стороны, к общей учебной администрации? и т. д.». Теоретической и практической разработке этих именно вопросов была посвящена вся педагогическая работа Ушинского. С полным основанием его можно было бы назвать поэтому идеологом начальной русской школы 60-х годов прошлого века. Но этим не ограничивается значение Ушинского. Это был великий русский педагог, один из основоположников педагогической науки в России.

Нет сомнений в том, что педагогическая система Ушинского, ориентированная на организацию начальной народной школы, в общем отвечала потребностям нарождавшейся и крепившейся русской буржуазии. Нет сомнения и в том, что по своему мировоззрению Ушинский был идеалистом и сторонником религии. Эта идеология отразилась на его педагогических работах, и поэтому предлагаемый вниманию советского педагога сборник избранных теоретических работ Ушинского есть прежде всего книга историческая, книга прошлого, от которого нас отделяют не только свыше

семи десятков лет, но, что самое главное, — Великая социалистическая революция.

Спрашивается, однако, в какой мере нужна советскому педагогу такая книга, в которой еще столь живо чувствуются идеологические отзвуки бесповоротно ушедшего прошлого. Тот читатель, который, поставив перед собой такой вопрос, отложил бы книгу в сторону, как устаревшую и ненужную, одел бы ошибку столь же крупную, как и читатель, который забыл бы о необходимости критического отношения к ее идеям. Разве в прошлом многие творцы науки, искусства и других культурных ценностей не были заражены религиозными, идеалистическими, националистическими и другими предрассудками? И разве пролетариат не обязан все это отсеять, чтобы извлечь для себя все то ценное, что внесено ими в сокровищницу культуры? В. И. Ленин глубоко и с предельной ясностью развил то положение, что социалистическая культура не является выскочившей неизвестно откуда. «Пролетарская культура должна явиться закономерным развитием тех запасов знания, которые человечество выработало под гнетом капиталистического общества, помещичьего общества, чиновничьего общества». «... Маркс опирался на прочный фундамент человеческих знаний, завоеванных при капитализме.... Все то, что было создано человеческим обществом, он переработал критически, ни одного пункта не оставив без внимания. Все то, что человеческой мыслью было создано, он переработал, подверг критике, проверив на рабочем движении, и сделал те выводы, которых ограниченные буржуазными рамками или связанные буржуазными предрассудками люди сделать не могли» (т. XXX, стр. 406). Строительство советской школы, являясь частью той огромной культурной работы, которую осуществляет пролетариат, требует от нас точного знания педагогики прошлого, критического усвоения и переработки всех достижений педагогической мысли. Пройти мимо того педагогического опыта, который проделан уже в буржуазном обществе, на том основании, что это опыт буржуазный, значило бы начинать строить, вопреки марксизму, на пустом месте и обречь свою работу заранее на целый ряд коренных ошибок.

За последние годы не раз уже констатировалось, что теоретиками педагогики не подытожен, как следует, наш собственный двадцатилетний опыт по строительству школы, и вместе с тем не учтен надлежащим образом и исторический опыт прошлого, и что в этом именно и заключается одна из основных причин тех больших недочетов, которыми все еще, несмотря на бесспорные успехи, страдает наша школа. Нередко наши педагоги — теоретики и практики — перенимали самые причудливые выдумки «модной» буржуазной педагогики только потому, что видели в них «новейшие» продукты европейской или американской педагогической мысли; и столь же часто как совершенно новую и с большим трудом добытую истину повторяли и развивали то, что было уже выяснено педагогами прошлого.

Педагогическая система замечательного русского педагога Ушинского, полно и всесторонне, во всеоружии опыта и знаний своего времени, раскрывшая вопросы методики начальной школы, имеет не только историческое значение, — она показывает, как в условиях,

отличных от нашей современности, разрешались многие из тех педагогических проблем, над которыми работает и советский педагог. Теоретические работы Ушинского, собранные в настоящем томе, будут поэтому полезны советскому педагогу. Необходимо только установить те предпосылки, исходя из которых должно быть критически освоено это ценное педагогическое наследие.

И. К. Д. УШИНСКИЙ (1824—1870 гг.) И ЕГО РОЛЬ В ОБЩЕСТВЕННО-ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ДВИЖЕНИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в. В РОССИИ.

Прогрессивные стремления русской буржуазии середины XIX в., с одной стороны, ее страх и боязнь революции снизу, с другой, нашли свое выражение в противоречивом характере мировоззрения Ушинского и, следовательно, противоречивом содержании его педагогической системы. Выражая прогрессивные задачи своего времени, задачи борьбы с крепостным правом и его пережитками, он двигал вперед русскую педагогику, выдвигал и разрабатывал плодотворные педагогические идеи. И хотя под влиянием отсталых элементов своего мировоззрения Ушинский высказал много ошибочных и неправильных, подчас реакционных суждений, последние не могли однакоже заслонить собой того положительного содержания его педагогических взглядов, которое дало ему бесспорное право на одно из первых мест в истории русской педагогики. Дореволюционная педагогика превозносила консервативные моменты в системе Ушинского. Советский же педагог, преодолевая ошибки и слабости этой системы, не может пройти мимо того объективно ценного и прогрессивного, что в ней имеется.

Провести это разграничение сильных и слабых сторон в педагогической системе Ушинского нельзя, не уяснив более или менее детально его роли в общественно-педагогическом движении второй половины XIX в.

Своеобразие развития капитализма в России заключалось, как известно, в том, что процесс этот происходил в условиях напряженной борьбы крепостников за сохранение власти в своих руках. В соответствии с этим и период 50—60-х годов XIX в. был не только временем вызревания буржуазно-капиталистических отношений, но одновременно и новым этапом в развитии русского самодержавия, которое приспособлялось к меняющейся исторической обстановке. Поэтому и крестьянская реформа, представлявшая собой, по словам В. И. Ленина, «один из эпизодов смены крепостнического (или феодального) способа производства буржуазным (капиталистическим)» (XV, 93), в то же время оказалась «шагом по пути превращения феодальной монархии в буржуазную монархию» (XV, 96). Осуществление этого шага находило себе выражение в известной дифференциации прежних сословных групп. В среде дворянства, в частности, оформились политические расхождения между реакционно-крепостнической группой, выражавшей интересы крупного землевладения, и группой либеральной, выражавшей интересы среднего мелкопоместного дворянства. Если первая отрицала необходимость каких бы то ни было реформ и требовала сохранения старого крепостнического строя, то вторая, не выделяясь из своего сословия, политически все

же занимала особую позицию, поддерживая назревшие буржуазные преобразования — отмену крепостного права, реформы — земскую и судебную, распространение грамотности в народе и пр. Эта вторая дворянская группа также разбилась на две части — более прогрессивную, западническую, требовавшую ускоренных реформ в буржуазном духе, и более консервативную, славянофильскую. Но в связи с общеполитической реакцией начала 60-х годов дворяне-западники быстро поправились и, таким образом, вся группа среднего дворянства сошлась в единодушном пожелании очень умеренных («либеральных») реформ.

Политическая сущность либерализма в России второй половины XIX в. исчерпывающе охарактеризована В. И. Лениным. В статье своей «Крестьянская реформа», написанной к моменту пятидесятилетия этой реформы в 1911 г., В. И. Ленин отмечал органически тесную связь либерализма с крепостничеством. Он писал: «Пресловутая борьба крепостников и либералов, столь раздутая и разукрашенная нашими либеральными и либерально-народническими историками, была борьбой *внутри* господствующих классов, большей частью *внутри помещиков*, борьбой *исключительно* из-за меры и формы *уступок*. Либералы так же, как и крепостники, стояли на почве признания собственности и власти помещиков, осуждая с негодованием всякие революционные мысли об *уничтожении* этой собственности, о *полном свержении* этой власти» (XV, 143). «Либералы хотели «освободить» Россию «сверху», не разрушая ни монархии царя, ни землевладения и власти помещиков, побуждая их только к «уступкам» духу времени» (там же, 144). Таково лицо либерального дворянства, обращенное к феодальному строю. Однако либеральное дворянство, не сознавая этого, как это подчеркивает Ленин (XI, 349), фактически отстаивало условия буржуазного экономического развития, но «такого развития, которое обеспечивает максимальное сохранение помещичьих хозяйств, помещичьих доходов, помещичьих (кабальных) приемов эксплуатации» (XI, 349). Иначе говоря, из двух «объективно возможных» путей этого развития оно стояло за тот путь, который Ленин называл путем прусским (в противоположность американскому).

Характеризуя либерализм с этой стороны, В. И. Ленин в вышеупомянутой статье к 50-летию крестьянской реформы говорит: «Либералы 1860-х годов и Чернышевский суть представители двух исторических тенденций; двух исторических сил, которые с тех пор и вплоть до нашего времени определяют исход борьбы за новую Россию.... Эти две исторические тенденции развивались в течение полувека, прошедшего после 19-го февраля, и расходились все яснее, определеннее и решительнее. Росли силы либерально-монархической буржуазии, проповедывавшей удовлетворение «культурной» работой и чуравшейся революционного подполья. Росли силы демократии и социализма — сначала смешанных воедино в утопической идеологии и в интеллигентской борьбе народолюбцев и революционных народников, а с 90-х годов прошлого века начавших расходиться по мере перехода от революционной борьбы террористов и одиночек-пропагандистов к борьбе самих революционных классов» (XV,

143 — 5). Борьба революционной демократии с либерализмом, с его фальшью, его половинчатостью проходит через всю общественную жизнь второй половины XIX в.

Охарактеризованные направления общественно-политической мысли периода 60-х годов получили свое отражение и в педагогической области.

Нужно иметь в виду, что русская официальная педагогика первой половины XIX в., как практическая, так и теоретическая, находилась на довольно низком уровне. Уже с середины царствования Александра I началась реакция, выразившаяся в сокращении всякого рода просветительных мероприятий, в разгоне университетских профессоров, в ограничении деятельности университетов; в средней школе вся учебно-воспитательная работа густо насыщается религиозным духом, преподавание наук в целях борьбы против «вольнодумства» среди молодежи стремятся очистить от всяких «умствований». О том, что представляли собой многие университетские профессора, какие ничтожества довольно часто занимали университетские кафедры, говорит в своей автобиографии Пирогов. Что касается гимназий, то отдельные даровитые преподаватели, как, например, Попов, оказавший такое огромное влияние на Белинского в Пензенской гимназии, были исключением. После восстания декабристов кризис дворянского просвещения все более углубляется. Новое министерство Уварова (1833) ставит себе целью построить всю систему просвещения на началах «православия, самодержавия и народности». Начальных школ в первой половине XIX в. почти не существовало. Фактически делом начального образования ведало духовенство.

Прокатившиеся в 1848 г. по Европе революционные движения вызвали, особенно после дела петрашевцев, новые реакционные мероприятия со стороны русского правительства, новое изменение просветительной политики самодержавия. Мысль о том, что революционные идеи распространяются в массах именно через школу, путем преподавания классических языков и изучения литературы на этих языках, через посредство которой молодое поколение уже с детства узнает о существовании республик, о народной свободе, о низвержении тиранов, — эта мысль внушила правительству окончательное недоверие к образованию. Последовательным рядом распоряжений Николая I классицизм в гимназиях был сведен на-нет, преподавание греческого языка было почти всюду прекращено, общее образование ограничилось первыми четырьмя классами, за которыми начиналась специализация путем изучения законоведения, прикладного естествознания, счетного дела и других узко-практических дисциплин. В результате этой меры уровень среднего образования чрезвычайно понизился.

Что касается теоретической педагогики, то подозрительное отношение к передовым, прогрессивным педагогам исключало возможность ее надлежащей разработки. Состояние теоретической педагогики к началу 60-х годов Я. Н. Грот изображал в таких словах: «Наша педагогика еще в пеленках, наша педагогическая литература — новорожденный младенец... У нас не только нет руководства по педагогике, но

почти нет и вовсе никаких хороших руководств по разным предметам общего образования. Большинство наших преподавателей не только не следовало до настоящего времени никаким твердо установленным наукой правилам преподавания, но многие из них оказывались и сами не довольно знающими по своей части». Если отдельные лица начинали заниматься теоретической разработкой вопросов педагогики, их углублением и обоснованием, то на них уже смотрели косо. Инспектор Гатчинского института, Е. О. Гугель, имевший огромную по тому времени педагогическую библиотеку и усердно занимавшийся разработкой педагогических вопросов (его труды теперь уже забыты), был заподозрен в ненормальном состоянии умственных способностей и заключен в дом умалишенных, а его библиотека опечатана. Только через 20 лет она была вскрыта Ушинским, нашедшим в ней богатый теоретический и практический материал по педагогическим вопросам. Подлинно прогрессивные педагогические идеи таких великих русских людей, как В. Г. Белинский, не могли получить должного распространения в условиях черной реакции и усиленного полицейского «надзора» за школой и учителем.

Между тем в эти годы, годы все большего и большего развития промышленности, нужда в обучении была весьма велика. Совершенно не случайным фактом является значительный рост организуемых самими крестьянами «самобытных», не всегда известных правительству, школ с мастерами-самоучками, обучавшими грамоте. Эти школы, разумеется, не давали народу того, что ему было нужно, т. е. более или менее достаточных знаний. Но другого способа найти путь к знанию массы не знали, и маленькие «школки» среди народа продолжали развиваться и укрепляться. Когда в 60—70-х годах стали развешивать свою деятельность земские учреждения, они столкнулись с фактом повсеместного существования такого рода народных школ. В городах одной из форм удовлетворения потребности народа в знаниях в конце 50-х и начале 60-х годов были так называемые воскресные школы, рост которых в это время был также весьма значителен. Понятно, что все эти проявления народного стремления к знанию должны были радовать одних и пугать других. Отмеченная выше общественно-политическая дифференциация 50—60-х годов не могла, естественно, не сказаться на подходе к вопросам народного образования со стороны представителей различных политических направлений в педагогической области.

В основном таких течений в 50-е и 60-е годы было три. Реакционное течение в педагогике того времени пыталось построить систему воспитания исключительно в интересах помещичьего государства. Представители этого течения с самого начала рассматривали стремление народных масс к знанию как непозволительную и дорожную для государства «роскошь», которой следует избежать, направляя массы на выполнение необходимого для государства физического труда. Среди представителей этого «охранительного» течения необходимо отметить публициста Каткова и министра Д. А. Толстого.

На противоположном полюсе было сосредоточено самое передовое, самое плодотворное — революционно-демократическое тече-

ние в общественной мысли, представленное Чернышевским и Добролюбовым. Представители этого течения считали, что система просвещения должна обслуживать широкие массы крестьянства, трудящихся, должна нести в народную массу те научные знания, которые пужны ей для новой жизни, построенной на революционно-демократических началах.

Третье — буржуазно-либеральное — течение было представлено всеми теми педагогами — общественными деятелями, которые, не примыкая к демократическому движению, в то же время не могли по ряду существенных вопросов стать на точку зрения самодержавного правительства. К этому течению примыкал, в частности, и Ушинский. Реакционные идеи Каткова и Д. А. Толстого Ушинский с негодованием отвергал. Он считал, что народ необходимо учить во что бы то ни стало. Но чему и как учить — вот вопрос, решение которого беспокоило Ушинского и на который он мучительно искал ответа.

«Новые поколения, — писал Ушинский, — появляются на свет божий, растут и требуют от нас воспитания, воспитание требует от нас определенного направления, определенной цели, определенного убеждения. Напрасно мы будем говорить вообще о развитии, избегая выразиться яснее на счет содержания этого развития, развитие формы без содержания мыльный пузырь... Не должно ли воспитание не только развивать жажду мысли, но давать и самую мысль? Не только развивать искренность чувств, но давать и содержание чувствам? Одним словом, не только развивать способность иметь искренние убеждения, но и давать самые убеждения. Приготавливать человека к борьбе? Прекрасно. Но всякий из нас и так борется, — но для чего борется? какими средствами? для какой цели? Не всякий ли из нас отстаивает свои, может быть, скрытые от самого себя убеждения? Но какие убеждения? Каковы же, повторяем, должны быть те убеждения, которые наставник должен вселить в душу ребенка?» — Те ответы, которые Ушинский давал на эти вопросы, были далеко не равноценны. Наряду с интересными и глубокими замечаниями у Ушинского были и такие, которые свидетельствовали о слабостях и заблуждениях его в вопросе о принципах воспитания. Ушинский, например, высоко ценил религиозное воспитание, превозносил патриархальные качества русского крестьянина своего времени, — это отрицательные стороны его педагогической системы. Но тот же Ушинский был непримиримым противником бюрократизма вообще и в народном образовании в частности, требовал проведения принципа народности в воспитании, доказывал необходимость обучения на родном языке, необходимость широкого развития начальных школ для народа, разрабатывал методику начального обучения в этих школах и делал это с исключительным талантом.

Свою систему Ушинский развивал как проект государственной системы просвещения. Действия правительства в середине 50-х годов очень многим, в том числе и Ушинскому, внушали иллюзию, что оно вот-вот вступит на путь широких реформ. Те вопросы, которые встали в связи с этим перед Ушинским, отражали противоречивость его мировоззрения, в котором прогрессивные элементы сочетались с весьма консервативными. В самом деле, Ушинского волновал

вопрос о том, как, с одной стороны, с помощью воспитания внести культуру в массы, поднять их на ту ступень цивилизованности, без которой они не могли бы продуктивно работать в условиях новой хозяйственной эпохи, т. е. как сделать их грамотными, дать им определенный запас знаний как общих, так и специальных, и как, с другой стороны, сохранить их религиозность и устои патриархальной нравственности. Помещичье-крепостническое правительство не приняло педагогической системы Ушинского.

Тем не менее система эта пользовалась широким признанием учительских масс вопреки правительственным попыткам замолчать или даже запретить ее практическое применение в школах. Используя для своей работы в школах учебники и методические руководства Ушинского, дореволюционный педагог приближал начальную народную школу к выполнению ее культурных задач. Положительные элементы педагогической системы Ушинского заслуживают того, чтобы извлечь их из подчас реакционной оболочки и использовать в практике работы советской школы. Это предполагает подробный и обстоятельный анализ педагогической системы Ушинского в целом.

II. РАЗВИТИЕ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ УШИНСКОГО.

Развернутая работа Ушинского по педагогическим вопросам началась только со второй половины 50-х годов XIX в. Однако основные идеи его педагогической работы связаны с гораздо более ранним периодом, периодом конца 30-х годов, когда он учился в средней школе, и начала 40-х, когда он кончал высшую школу и начинал свою самостоятельную творческую работу. К сожалению, эти начальные моменты биографии Ушинского, имеющие столь существенное значение для установления генезиса его педагогической системы, освещены в имеющихся материалах очень скудно.

1. Детство и юность.

Константин Дмитриевич Ушинский родился в 1824 г. в Новгород-Северском уезде Черниговской губернии в семье помещика. Отец Ушинского участвовал в войне 1812 г., а затем вышел в отставку и жил в своей подгородной деревне; у него было 100 дес. земли и 30 крепостных. По словам одного из биографов, отец Ушинского одним из первых среди мелкопоместных дворян еще до реформы отпустил своих крестьян на волю. О своем обучении в Новгород-Северской гимназии Ушинский оставил воспоминания, которые были начаты им как вступление к более обширной, оставшейся ненаписанной работе о годах пребывания в Московском университете. В качестве основных факторов, способствовавших его развитию в гимназии, Ушинский отмечает семью, близкое общение с природой и воспитательное влияние директора гимназии, И. Ф. Тимковского, человека исключительно преданного науке и тем вселявшего уважение к ней и в учащихся.

Годы обучения на юридическом факультете университета (1840—1845) были решающими для развития Ушинского, и их можно с полным основанием рассматривать как завершение первого периода

его жизни. От обедневшей семьи своего отца Ушинский уже не получал вспомоществования и должен был жить уроками. Здесь же, в университете, были заложены основы его мировоззрения. Московский университет в 40-х годах переживал стадию расцвета. Он имел в своем составе ряд таких известных профессоров, как Грановский, Редкин, Шевырев, Погодин, Надеждин и др., и вырашивал новое поколение ученых, активно выступивших на работу в конце 40-х и особенно в 50-е годы, в лице Соловьева, Чичерина, Кавелина и др.

Среди интеллигенции начала 40-х годов, под влиянием быстро развертывавшегося в России процесса капиталистического развития, как уже было сказано, довольно ясно определилось разногласие направлений и оформились два известных идеологических течения — славянофильство и западничество. Передовым из этих течений было направление западническое, считавшее, что очередной задачей является перенесение в Россию форм западноевропейской буржуазной культуры. Европейская культура, политический строй Европы, ее промышленность, ее образование — все это считалось тем образцом, которому нужно начать немедленно подражать, если Россия не хочет быть отсталой страной. Видными представителями западничества были Грановский, Станкевич, Боткин, Кавелин и др. Из левого крыла западников вышли революционеры-демократы Белинский, Герцен, Огарев. Славянофильство было напротив отсталым и консервативным течением. Оно представлено было такими дворянскими элементами, как Хомяков, братья Киреевские, Аксаковы и т. п. Отрицательное отношение к Западу выражалось у них в своеобразных теориях о «гниении» Запада и о превосходстве «православной» культуры России.

30-е и 40-е годы XIX в. были временем революционного движения в странах Западной Европы. Далеко не всегда, однако же, представителям дворянской интеллигенции того времени было ясно, что дело идет не только о национальном возрождении, не только о свободе буржуазного развития, но что одновременно, внутри самого буржуазного общества принимает все более острые формы борьба классов. Революция 1848 г. раскрыла дворянству глаза на внутренний классовый смысл европейских революционных событий. Русские дворяне-западники в течение 50-х годов постепенно изживали свой «радикализм», по мере того как все яснее становилась опасность идущей с Запада революции, и частью сближались с более консервативным славянофильством (Кавелин), частью переходили в лагерь правительства (Катков и др.).

В атмосфере идеологической борьбы западников и славянофилов духовно вырастал и складывался Ушинский. Его научные занятия в университете сосредоточились в специальной области юридических дисциплин. Ближайшим руководителем Ушинского в его научной работе был профессор П. Г. Редкин, читавший в Московском университете философию права и государства в духе учения Гегеля и одновременно занимавшийся разработкой вопросов педагогики. Его влияние на Ушинского нужно признать значительным. С Редкиным у Ушинского были довольно близкие отношения. Как можно судить по записям его дневника, Ушинский

пользовался книгами из библиотеки Редкина. Впоследствии Ушинский вместе с Редкиным был одним из главных сотрудников «Журнала для воспитания». В записях своего дневника, относящихся к последнему году пребывания в университете, Ушинский неоднократно возвращается к перечислению той литературы, которую он прочитал или предполагал перечитать. Это, конечно, работы в большинстве случаев специально юридические, но среди них в качестве руководящих выделяются труды Гегеля, работы исторической школы права и ряд специальных курсов по политической экономии. Уже на университетской скамье Ушинский проштудировал «Энциклопедик философских наук» и «Историю философии» Гегеля, «Курс новейшей истории» Гизо, «Историю римского права» Савиньи, известного основателя исторической школы, и целый ряд капитальных трудов по политической экономии, истории и географии. В записях дневника еще не встречается имени Адама Смита, но к началу своей преподавательской работы в Ярославском лицее Ушинский считал Смита наиболее значительным и авторитетным в науке. Уже по этим отрывочным данным можно судить о том, в каком направлении шло научное развитие Ушинского. Определенные влияния на него оказали как идеалистическая философия Гегеля (ее правое крыло), так и реакционная историческая школа права, та самая школа, которая характеризуется Марксом и Энгельсом как школа, «узаконяющая подлость сегодняшнего дня подлостью вчерашнего, школа, объявляющая мятежным всякий крик крепостных против кнута, если только этот кнут — старый и приращенный исторический кнут...» (К. Маркс и Ф. Энгельс, I, 401). В то же время Ушинский накапливал в своей учебной работе большой фактический материал из области истории, географии, политической экономии и юридических наук. Таким образом начало складываться его мировоззрение в годы учения в университете. В этом же направлении оно продолжало развиваться и тогда, когда Ушинский по окончании университета получил назначение в Ярославский лицей исполняющим обязанности профессора так называемых камеральных наук — энциклопедии законоведения, государственного права и науки финансов.

2. Профессорская деятельность в Ярославском лицее.

Годы работы в лицее (1846—1848) составляют второй период в жизни Ушинского. Читая в течение двух лет обширные курсы для студентов лицея, руководя их самостоятельными научными работами, Ушинский тем самым был поставлен в необходимость методологически обосновать эти курсы, придать им законченный вид. Это требовало от Ушинского творческой работы над приобретенным им запасом знаний, освещения его с точки зрения какой-то определенной руководящей идеи, превращения его в законченную систему мировоззрения. В период лицейской работы Ушинского мы видим это мировоззрение сложившимся.

В архиве Ушинского найдены собственноручные записи лекций, прочитанных им студентам лицея на протяжении 1846—1848 гг. Правда, здесь всего четыре лекции, но это лекции установочного